

обрѣли уже твердое познаніе языковъ греческаго и латинскаго". Намъ возразятъ, быть можетъ, указавъ, что въ „предъидущихъ училищахъ“ оно вовсе не такъ твердо; но это не должно служить основаніемъ къ тому, чтобы въ духовной академіи исправлять недостатки семинарій; эти недостатки, если они существуютъ, нужно исправлять на своемъ мѣстѣ.

22-го августа исполнилась первая годовщина смерти И. С. Тургенева—время, слишкомъ ничтожное, чтобы сколько-нибудь утишить сожалѣніе о понесенной нашею литературой утратѣ; но личная ненависть къ нему, повидимому, успѣла даже возрасти за этотъ краткій промежутокъ времени. Годъ тому назадъ, „Московскія Вѣдомости“ были послѣдними, помѣстившими лаконическое извѣстіе о смерти Тургенева; за то годъ спустя эта газета первая справила по немъ тризну, еще въ началѣ августа посвятивъ его памяти передовую статью, начинавшуюся такъ: „Въ прошломъ году мы присутствовали при странномъ зрѣлищѣ. Умеръ писатель, оставившій по себѣ рядъ повѣстей и романовъ, отличающихся большими или меньшими литературными достоинствами. Свободная дѣятельность свободно и честно существуетъ. Всякому предоставлено право имѣть о ней свое мнѣніе и оцѣнивать ее такъ или иначе; но обязательно (?) общественное, народное, или что то же, государственное, признаніе заслугъ чьихъ бы то ни было, можетъ быть совершаемо только по распоряженію правительства страны. Мы присутствовали въ прошломъ году при возмутительномъ зрѣлищѣ!“... Это „возмутительное“ зрѣлище московская газета усмотрѣла собственно въ прирожденной каждому народу способности выражать симпатію къ таланту, генію, произведенія котораго прославили отечественное слово далеко даже за предѣлами его; между тѣмъ, по мнѣнію газеты, ничего другого тогда не случилось, какъ только „умеръ писатель, оставившій по себѣ рядъ повѣстей и романовъ“, иногда довольно удачныхъ (это, вѣроятно, тѣ, которыя печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“), а иногда и неудачныхъ.

Но, признаемся, намъ въ прошедшемъ году представлялось возмутительнымъ нѣчто другое, что и было дѣйствительно возмутительно. Вскорѣ послѣ смерти Тургенева, въ парижскихъ газетахъ явилось письмо г. Лаврова о Тургеневѣ съ содержаніемъ, повидимому, направленнымъ къ тому, чтобы воспрепятствовать въ Россіи всякому публичному чтванію его памяти. „Московскія Вѣдомо-